

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**РОССИЯ И ГРЕЦИЯ:
ДИАЛОГ КУЛЬТУР**
Материалы I Международной конференции
Часть II

*Благодарим Российский
гуманитарный научный фонд
и Генеральное консульство Греции
в Санкт-Петербурге
за финансовую поддержку издания
материалов конференции*

Петрозаводск
Издательство ПетрГУ
2007

УДК 83.3(2Рос=Рхс)

ББК 83.3(2=Рус)

Р 768

Рецензенты:

ведущий научный сотрудник ИЯЛИ КарНЦ РАН,

доктор филологических наук *Е. И. Маркова*,

доцент кафедры литературы ПетрГУ,

кандидат филологических наук *В. Н. Сузи*

Р 768 Россия и Греция: диалоги культур: Материалы I Международной конференции. Часть II. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. — 376 с.

ISBN 978-5-8021-0620-4

Сборник включает в себя материалы I Международной конференции: «Россия и Греция: диалоги культур», организованной кафедрой классической филологии и проходившей в Петрозаводском университете с 4 по 8 сентября 2006 г. В публикуемых статьях участников конференции представлены различные исторические и филологические, лингвистические и литературоведческие, философские и культурологические аспекты главной проблемы взаимодействия русской и греческой культур. Публикуемые во II части материалы отражают ход работы пленарного и секционных заседаний, в соответствии с которыми построено содержание сборника.

Издание адресовано преподавателям, аспирантам и студентам гуманитарных факультетов, интересующимся проблемами классической филологии и рецепции античной, классической и христианской традиции в европейских литературах.

УДК 83.3(2Рос=Рхс)

ББК 83.3(2=Рус)

ISBN 978-5-8021-0620-4

© Издательство
Петрозаводского
государственного
университета, 2007

составных и явно книжных слов, восходящих к последнему. Мы не будем настаивать на этой точке зрения, тем более что вопрос требует дополнительного изучения. Ограничимся лишь предположением, что словари, возможно, не совпадают из-за сознательной установки Поликарпова, стремившегося превзойти своего предшественника в точности перевода.

Список литературы

1. *Брайловский С.* Филологические труды Епифания Славинецкого // Русский филологический вестник, 1890. Т. 24. № 2.
2. *Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.
3. *Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.)* / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1988. Т. 1 (А—В); Т. 2 (В—Д); Т. 3 (Д—И).
4. *Словарь русского языка XI—XVII вв.* / Отв. ред. Г. А. Богатова. М., 1975. Вып. 1 (А—Б); 4 (Г—Д), 7 (К).
5. *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XVI—XVII веков: Библиографические материалы. СПб., 1903.
6. *История русской лексикографии* / Отв. ред. Ф. П. Сороколетов. Кол. авт. Рос. акад. наук. СПб., 1998.
7. *Харлампович К. В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1.

Р. Баич

О необходимости знакомства с некоторыми терминами из греческого языка в области богословия и православной духовности

В процессе принятия православной веры от греков сербам, как и другим славянским народам, естественно пришлось заимствовать из греческого языка и многочисленные термины, необходимые для перевода богослужебных текстов на первый сакральный язык *Rex Slavia Orthodoxa* — старославянский. Большое число подобных терминов употребляется и в современном сербском литературном языке, преимущественно в литературе из области богословских наук (*евклисиологија, логос, епиклеза, анафора, анамнеза, есхатон* и т. п.), но и в языке общего употребления (*литургија, калуђер, нафора, монах, јереј, аиђео* и т. п.).

С другой стороны, есть термины, для которых по традиции употребляется их сербский переводной эквивалент, но при более точном

определении их значения в целях правильного осмысления некоторых аспектов православной духовности необходимо сослаться на греческий подлинник.

В предлагаемой работе нами будут рассмотрены некоторые из таких терминов.

Литургия

Сначала обратимся к термину *литургија* (λεϊτ-ουργία). Что именно обозначалось данным термином в греческом и каково его значение в современном сербском языке? В греческом языке первоначальное значение анализируемого термина можно передать как «публичное, общее дело, действие, работа, функция, функционирование, общее и публичное служение народу». Применительно к Церкви это было «дело Церкви, дело всего народа Божия, главная и общественная служба Церкви, ее служение». В современном сербском языке слово *литургија* обычно употребляется в значении важнейшего православного богослужения, суть которого заключается в совершении Таинства евхаристии (причащения святых Таин). В не совсем точном определении данного слова, приведенном в Большом академическом словаре сербского языка, читаем: *главно дневно богослужење у православној цркви, служба божја уопште* [Речник САНУ, 1981, 497]. Словом *служба* переведено слово *литургија*, хотя следует учесть, что значение последнего в современном сербском языке гораздо уже: *службой* можно назвать любое богослужение, не только то, на котором совершается Таинство евхаристии, причем данное слово обычно сочетается с определением *Божји* (*служба Божја*). В академическом словаре современного сербского языка, помимо вышеуказанного, приводятся еще три значения слова *литургија*: *црквена књига литургијских текстова које свештеник Чита за време главнее службе божје*; затем: *збир хорских и солистичких вокалних композиција које се певају приликом главног богослужења*; *музичко дело компоновано за такву прилику и (с квалификатором обл.): хлеб, колач који се меси о неким црквеним празницима; славски колач*. В словарной статье *литургијски* (прил.) приводится сжатый комментарий: *који се односи на литургију* [Речник САНУ, 1981, 497—498]. Последние три значения существительного *литургија* встречаются реже и для нашей статьи не имеют существенного значения; однако первое из приведенных выше значений, как нам кажется, следует дополнительно раскрыть с учетом семантики соответствующе-

го греческого слова. Почему необходимо иметь в виду, особенно в наши дни, первоначальное значение слова *литургија* (*јавно, заједничко дело, делање (деловање), рад, функција, функционисање, општи и јавни рад за народ*)? — Потому это отнюдь не принадлежность одного лишь клира, как считает большинство наших современников, в частности невоцерковленных и неофитов; ведь, как указывают виднейшие богословы современности, особенно сторонники движения литургического обновления [Вукашиновић, 2001, 7—10], неправильно утверждать, что клирики *служат* литургию, в то время как народ лишь *присутствует* (такое ошибочное понимание сути литургии явилось причиной пассивизации роли верующих и некоторых отрицательных явлений в церковной жизни — возрастания индивидуализма, пиетизма и под.). Задача лингвистов, помимо указания на исконное значение данного слова, — выдвигать на первый план факт, что литургия является самобытным *дискурсом*, на котором осуществляется *диалог* [подр. см. Кончаревич — Баич, 2004, 146—178], а это и есть то общее дело, в рамках которого, как метко замечает прот. А. Шмеман, «каждый участвует с полной ответственностью», что «существенно важно и поистине необходимо, ибо через это Церковь, народ Божий, исполняет свое назначение и осуществляет свою задачу» [Шмеман, 2006, 26].

Поскольку слово *литургија* и особенно прилагательное *литургијски* используются и в более широком значении — в смысле богослужения вообще, и не только богослужения, совершающегося в храме, по установленному типикону, но и служения Богу (*Богу-служење*) в наиболее широком смысле, отсюда напрашивается вывод, что данное слово обозначает и дело, делание вообще, т. е. (правильное) поведение любого православного человека в повседневной жизни — орфопраксию. По словам одного авторитетного сербского богослова, «Жизнь крещеного — это *всежизненная Литургия* (а основное значение слова *литургия* и есть: применение и функционирование богодарованных сил и способностей на благо всех, т. е. на благо Церкви)» [Јевтић, 2000, 98]. В заключение, в целях дополнительного рассмотрения первоначальной семантики анализируемого термина, в качестве иллюстрации, убедительно свидетельствующей о широте его охвата, приведем весьма показательную цитату из произведения видного греческого богослова В. Гондикакиса: «Вся история есть не что иное, как одна, единственная Божественная Литургия; весь мир превратился в храм, в дом Божий, в единую семью» [Гондикакис, 2005, 52].

Слово *логос* (λόγος), несмотря на наличие ряда переводных эквивалентов на сербском языке, таких, как *реч*, потом *смисао*, *дело*, *узрок*, *разум*, *слово*, *писана реч*, иногда даже *разум* и *говор*, все чаще, особенно в трудах из области богословских наук, используется в своей исконной, греческой форме. О возможных сербских переводных эквивалентах анализируемого термина пишет Преосвященный Афанасий Евич, отмечая наличие в некоторых из них тождественного корня (лог — греч. λογ): «Семантика термина *логос* предельно широкая, и поэтому его можно переводить на сербский язык такими словами, как: *начело*, *принцип*, *суштински раз-лог*, *логичка под-лога*, *узрок*, *повод*, но вместе с тем и словами: *реч*, *словестност*, *основна мисао*, *смисао*, и т. д. [Јевтић, 2006, 34]. Однако ни один из указанных эквивалентов не воспроизводит в точности комплекс значений слова *логос*, что наблюдается и на материале других языков [см. Томасовић, 2000, 122], а это, в свою очередь, обусловило частое его применение даже в контекстах, в которых по традиции оно заменялось переводными эквивалентами. Наиболее известным примером функционирования этого слова, вне всякого сомнения, является начало Евангелия от Иоанна. В новейшем переводе Евангелия на сербский язык в данном отрывке используется слово *Логос*, причем после первого его появления в тексте в скобках дается толкование: *Ријеч* (см. *Свето писмо/Нови зајет*, 1988, 179). Логос (с прописной буквы) в своем основном значении обозначает «Богочеловеческую личность Христову — Сына Божия до вочеловечения Его» [Томасовић, 2000, 119]. М. Томасович указывает на четыре основных причины, по которым евангелист Иоанн использует указанный термин: а) данное слово наиболее адекватно выражает жизнь Логоса (т. е. Христа. — *прим. наше*) саму по себе; б) Его отношение к Богу Отцу; в) Его отношение к миру и человеку — Его роль как Возвестителя Тайны Божией и Откровителя Бога Отца; г) наконец, желание Иоанна изложить истинное учение о Логосе в противовес всем ошибочным догматам до него [Томасовић, 2000, 121].

Однако спектр значений анализируемого термина гораздо шире, и для его истолкования в разных контекстах необходимо наличие более глубокого богословского образования, в частности знакомство с использованием анализируемого термина в памятниках патристики. Так, св. Максим Исповедник развивает учение о *Логосе* Божиим (Христе) и о *логосах* всех тварей/существ, подразумевая под последними (λόγοι =

творческие слова до момента их произнесения при сотворении мира) слова, мысли, идеи Божии, замыслы (ἐννοήματα, по Григорию Богослову), появившиеся по вечной любви и благодати Создателя; эти логосы суть причины и «образцы» всего тварного мира и всех существ [см. Јевтић, 2006, 33].

Объясняя значение данного термина, Преподобный Афанасий не предлагает конкретных решений для его перевода на сербский язык, отдавая предпочтение, вслед за Иустином Поповичем, его использованию в изначальной форме (великий сербский богослов в своих трудах использовал параллельные термины: *логосност-словестност, логосан-словесан*) [см. Јевтић, 2006, 34].

Несмотря на узкоспециальную сферу применения термина *логос*, знакомство с его семантикой следует признать важной составной частью катехизации верующих (в частности, при изучении вопроса об Иисусе Христе как Логосе Божиим в контексте Священного Писания).

Мученик

Третий термин, заслуживающий нашего внимания, — это греч. *μάρτυς, μάρτυρος*, традиционно переводимый на сербский язык словом *мученик*. Актуальность раскрытия исконного значения данного слова в наши дни особенно вытекает из волны канонизаций (причислений к лику Святых) в СПЦ новомучеников, от безбожников избивенных, сопровождающейся публикацией о недавнего времени совершенно секретных архивных данных о цифрах репрессированных, о зверских методах их мучения и т. д. Однако для понимания сути мученичества за веру Христову следует иметь в виду факт, что слову *μάρτυς* в греческом языке были присущи два значения: *мученик и свидетель*. В статье, специально посвященной этой теме, о. Павел Флоренский подробно, ссылаясь на данные этимологических исследований, рассмотрел взаимосвязь между двумя упомянутыми значениями анализируемого слова. Он обращает внимание на три корня, относящихся к слову *μάρτυς, μάρτυρος*, — *μαρ* — блеснуть, светиться; *μαρ* — бороться и быть побежденным и *μερ* — иметь мысль, помнить, вспоминать: «Свидетельство истины есть сияние. Однако, для того, чтобы свидетельствовать истину, надо бороться, побеждая тьму незнания и лжи: свидетель тот, кто борется и добивается духовной победы. В борьбе удары не только задают, но и получают, и поэтому следует страдать, мучиться и ослабевать, и даже умирать» [Флоренский, 1999, 53].

Мученики, по-видимому, своим страданием за Церковь *свидетельствуют* Христа и христианство, сохраняя своим подвигом и чистоту Церкви. «Свят. Иоанн Златоуст в своем толковании «Деяний апостольских» утверждает, что наибольшей опасностью для Церкви является отсутствие гонений» [цит. по: Карелин, 2004, 336]. Это и есть вторая причина, по которой мы указываем на исконное значение данного термина: живя в эпоху свободы совести и внешнего благополучия, православные христиане наших дней должны осознавать факт, что, по замечанию Флоренского, «подвиг христианской жизни <...> внутренне <...> всегда есть не что иное, как мученичество, поскольку он предполагает отрыв от мира сего во имя другого мира» [Флоренский, 1999, 67], и поэтому должны серьезно задаваться вопросом: являемся ли мы поистине *мучениками*, являемся ли мы поистине *свидетелями*, наподобие многих поколений живших до нас христиан?

Любовь

Последнее понятие, на которое мы обратим внимание, — это понятие любви. В греческом языке существовал ряд слов для обозначения эмоциональной привязанности к кому-чему-л., которым в сербском языке соответствует всего лишь один эквивалент — *љубав*: *αγάπη* — любовь в наиболее широком смысле этого слова, независимо от его внутреннего содержания; *στωруή* — коллективная, социальная любовь, привязанность к семье, отечеству, народу; *φιλία* — дружеская любовь и, наконец, *έρως* — страстная любовь или сильное влечение [см. Керн, 1997, 271—272]. Для обозначения христианского понятия любви не случайно со времен становления Церкви использовался как раз термин *αγάπη*, во-первых, вследствие широты его семантики, и, во-вторых, из-за сравнительно редкого его повседневно-бытового употребления [см. Јевтић, 1996, 74], что, в свою очередь, лишило его нежелательных «наслоений» из сферы страстного и душевного. Однокоренной глагол *αγαπάω* в тексте *Нового завета* обозначает любовь человека к Богу, Христу, ближнему, но и любовь Бога к человеку, Бога к Иисусу, даже любовь человека к вещам [см. Поповић, 2002, 12]. Очевидно, речь идет о предельно широком спектре значений; сербскому слову *љубовь*, по определению наиболее авторитетного лексикографического источника — *Большого академического словаря сербского языка*, присущи не все элементы семантики греческого слова *αγάπη* [см. Речник САНУ, 1981, 667—668]. Это подтверждают и данные ассоциативных экспери-

ментов, в которых участвовали представители сегодняшних носителей сербского языка (преимущественно молодежь). *Асоцијативни речник српскога језика* показывает, что средний носитель сербского языка довольно далек от новозаветного понимания любви: так, в качестве ассоциаций на данное слово-стимул преобладают *срећа, срце, мржња, живот, двоје, породица, секс*, тогда как ассоциации *Бог, вечан, вечност* предельно редки (из 800 испытуемых, лишь двое ассоциирует любовь со словами *Бог* и *вечан*, а с *вечностью* — трое) [см. Пипер — Драгићевић — Стефановић, 2005, 278—279]. Христианское понимание любви, однако, как раз настаивает на данных элементах. Ассоциация *љубав — Бог* вытекает из меткого определения евангелиста Иоанна Богослова, что *Бог есть любовь* [1. Ин. 4, 16]. Вслед за «апостолом любви» современный грузинский богослов Рафаил Карелин утверждает, что любовь — это «имя Иисуса Христа» [Карелин, 2004, 128]. В аскетической литературе подчеркивается, что любовь — это жертва, самоуменьшение, жизнь, радость, распятие, она есть венец всех добродетелей (Лествичник, 1993, 202—205). А один из величайших богословов нашей эпохи архимандрит д-р Иустин Попович отмечает: «Если любовь может иметь иное, достойное название, это — *бессмертие, вечность, нетленность*» [Поповић, 1983, 189]. Все вышеприведенные ассоциации не нашли отражения в массовом сознании носителей сербского языка, что, по нашему мнению, объясняется секуляризацией сербского общества в минувшие десятилетия.

Заключение

Православное богословие использует множество терминов, заимствованных из греческого языка, так что ссылки на их формы и значения в новозаветном тексте и патристических источниках в современной богословской литературе встречаются довольно часто. В данной работе мы рассмотрели несколько характерных примеров для того, чтобы, актуализируя значение, свойственное им в новозаветном греческом языке и в памятниках византийской патристики, обратить внимание на их важность для православного богословия на современном этапе его развития и для возрождения православной духовности на ее исконных началах.

Список литературы

Влахос *Ј.* Богословље литургијске обнове. Православље. Београд, 2006. С. 935, 12—16.

Вукашиновић *В.* Литургијска обнова у XX веку. Историјат и богословске идеје литургијског покрета у Римокатоличкој цркви и њихов узајамни однос с литургијским животом Православне цркве. Београд; Нови Сал; Вршац, 2001.

Гондикакис *В.* Света Литургија — тајна јединства. Видослов; Требиње, 2005. С. 12, 51—57.

Јефтић *А.* Загрљај светова. Есеји о човеку и Цркви. Србиње, 1996.

Јефтић *А.* Христос алфа и омега. Врњачка Бања, 2000.

Јефтић *А.* Протологија и есхатологија светог Максима Исповедника. Видослов; Требиње, 2006, С. 37, 19—36.

Карелин *Р.* Умеће умирања или уметност живљења. Београд, 2004.

Керн *К.* Пастирско богословље. Врњачка Бања; Београд, 1997.

Кончаревич *К.*, Баич *Р.* О коммуникативных функциях литургического дискурса в сербском языке // П. Пипер, И. А. Стернин (ред.), Коммуникативное поведение славянских народов. Русские, сербы, чехи, словаки, поляки. Воронеж, 2004. С. 146—178

Св. Јован Лествичник. Лествица. Атос, 1993.

Пипер *П.*, Драгићевић *Р.*, Стефановић *М.* Асоцијативни речник српскога језика. Београд, 2005.

Поповић *Ј.* Тумачење посланница прве и друге Коринћанима светог апостола Павла. Београд, 1983.

Поповић *Р. В.* Православна црква данас. Годишњак. Србие, 2000. С. 181—187.

Поповић *Р. В.* Грчко-српски речник Новог завета. Београд, 2002.

Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Т. 11. Београд, 1981.

Свето писмо / Нови завјет. Ослобођење. Сарајево, 1988.

Томасовић *М.* Ђ. Бог Логос. Београд; Атина, 2000.

Флоренски *П.* Мученици — сведоци. У књизи: Голгота Христове Русије. Цетиње, 1999.

Шмеман *А.* Однос свештенства и верника у Цркви — хитно питање. Црквени живот. Београд, 2006. С. 8, 24—28.